

СЕСТРЫ.

Проливной дождь обратил чистенькие, усыпанные песком дорожки в грязные лужи. Цветы смялись и повисли головками. Небо было так серо, что просто не верилось, что когда нибудь сдвинется этот серый покров из-за него выглянет голубое небо.

Наташа сидела в своей хорошенькой комнате с книжкой на коленях, но не читала, а сердито смотрела в окно: ей хотелось гулять и побегать в саду, а это было невозможно. Сестрёнка — Нина, весёлая, как котёнок, одевала свою куклу в новое пальтецо и уговаривала её быть умницей и не растопыривать ручки.

„Какая глупая девчонка — эта Нинка!“ — про себя сердилась Наташа, невольно слушая болтовню сестры: — целый день лопочет всякую ерунду своей Маруське и воображает, что та слушает её!“

Наташа! — вкрадчиво сказала Нина: — ты помогла бы мне одеть Марусю, а то я боюсь вывихнуть ей руку: у этого пальто такие узенькие рукава!

Отстань, пожалуйста! есть у меня время заниматься с твоей глупой куклой! — с нетерпением отозвалась Наташа, и уткнулась лицом в книгу.

Нина вздохнула и опять тихонько принялась за свою куклу.

Нина, пойди-ка сюда! — услышался из другой комнаты голос мамы: — ты ещё не ответила мне своего урока!

— Ага, попалась! — процедила сквозь зубы Наташа: — пронянчилась целое утро с куклой, а теперь, верно, урока — то и не знаешь! Нет, знаю! — весело сказала Нина и убежала в комнату мамы, откуда сейчас же слышался её весёлый голосок.

Лицо Наташи стало совсем сердитым.

„Противная девчонка, целый день чему-то радуется... погоди, ты у меня заплачешь!“ — подумала она и, схватив уже одетую Марусю, растворила окно, и посадила её на подоконник.

Крупные капли дождя сейчас смочили всю куклу.

Наташа присела у самого окна и с наслаждением вдыхала прохладный воздух; дождь падал изредка и на неё, но ей было, все равно; она даже забыла мамино запрещение открывать окно в такую сырую погоду.

Наташа! Завтракать! — закричала, вбегая, Нина. — О, как холодно! Зачем ты открыла окно? Моя бедная куколка! — воскликнула она, вдруг увидав на окошке измокшую под дождём Марусю, и заплакала. — Зачем? Зачем, ты это сделала, Наташа? — с упрёком спросила она.

Наташе стало не по себе; она отвернулась и, пожав плечами, ответила:

Ничего с ней не сделается! Вытри ей волосы и сними мокрые тряпки! Ведь это — не человек, а кукла, насморка не получит!

Ты злая, Наташа, ты злая, — повторяла Нина, раздевая куклу: — ты испортила всё её хорошенькое платьице и пальтецо, это — не тряпки!

Почему вы не идёте завтракать, дети? — спросила мама, появляясь на пороге: — почему Нина плачет?

Нина молча вытирала слезы; Наташа, же рассказала всё, как было, хотя, казалось, ей очень стыдно было говорить о своём дурном поступке.

Мама покачала головой и взяла, за руку Нину.

Не плачь, моя милочка, мы сошьём с тобой другое платьице кукле и я снова завью её волосы, когда они просохнут. Пойдёмте теперь в столовую.

Нина и мама пошли вдвоём, а Наташа шла сзади. У неё на душе стало совсем скверно.

За завтраком Нина развеселилась, смеясь, рассказывала папе о наташиной, проделке. Папа только улыбнулся ей и строго поглядел на Наташу.

К вечеру погода настолько разгулялась, что можно - было накинуть платки немного посидеть на террасе, а на другое утро взошло яркое солнце и стало не только тепло, а даже жарко. Нина с утра бегала по саду, а Наташа не могла встать с постели, она простудилась, сидя в дождь у открытого окна.

Вот и плохо, что я не кукла! — пробовала она шутить, едва приподнимая голову с подушки: — Маруська вся вымокла, и здорова!

Наташа скоро перестала узнавать окружающих; она бредила, ей всё казалось, что она — большая, большая кукла вся вымокшая под дождём, и ей было так холодно, что она лихорадочно дрожала даже под тёплым шерстяным одеялом.

Только через две недели Наташа пришла в себя и позвала Нину. Но её не было дома: доктор посоветовал маме отправить её к знакомым, чтобы она не заразилась болезнью от Наташи. И много-много времени прошло, прежде чем Наташа увидела Нину.

Лето подходило к концу. Нина приехала весёлая и здоровая. Она с удивлением глядела насильно похудевшую, обстриженную и бледную Наташу.

Ах, ты, моя бедная сестричка, — сказала Нина: — как я боялась за тебя, пока ты была больна. Я так рассердилась на Маруську за то, что ты, из-за неё заболела, что не хотела с ней больше играть и подарила её подруге.

Наташа, как, только могла, крепко обняла Нину и сказала:

Бедная Маруся, мы попросим вернуть её, нам назад, она нисколько, не виновата... А я даже рада, что была больна, так как теперь я не буду больше злиться. Наташа сдержала своё слово. Она стала теперь такой же ласковой, послушной и доброй девочкой, какой всегда была младшая сестра. Правда, иногда она как будто хочет вернуться к прежним привычкам и надувает губки, собираясь поворчать, но почти сейчас же нахмуренные брови раздвигаются, и она весело и ласково говорит со всеми.

